

Богоданный младенец

В воскресенье, 5 сентября 1638 года ближе к полудню в новом элегантном дворце Сен-Жермен-ан-Ле, что в нескольких лье к западу от Парижа, родился царственный младенец, по легенде, с двумя зубиками во рту. В этом усмотрели счастливое предзнаменование, чему радовался весь двор. И радоваться было отчего: на протяжении двадцати двух лет брак французского короля Людовика XIII (1610–1643) и испанской инфанты Анны Австрийской был бездетным и, казалось, останется таким и впредь. Поэтому современники встретили известие о появлении на свет долгожданного наследника, будущего короля Людовика XIV, изъявлениями живой радости. Простой народ видел в этом знак Божьей милости и называл новорожденного дофина «Богоданным» (*Louis-Dieudonné*). По правилам этикета королевского двора официальные обязанности наследника престола начались сразу после рождения. Уже 6 сентября Людовик давал аудиенцию. Делегации Парижского парламента, главного суда, и других судов были приняты в тот день

Людовиком XIII и передали королю пожелания счастья от своих корпораций. Эти делегации были также допущены в покои наследника престола.

Сохранилось не так много сведений о раннем детстве будущего короля. Едва ли он хорошо помнил своего отца, скончавшегося в 1643 году, когда мальчику было всего пять лет. Мнения историков относительно взаимоотношений отца и сына разнятся. Одни считают, что, возможно, он боялся этого, говоря словами Александра Дюма, «гордого и робкого, мужественного как герой и нерешительного как дитя» человека, который никогда не играл с сыном и так редко с ним виделся, что мальчик воспринимал его как чужого человека. Другие же полагают, что представления о «нерадостном детстве» будущего короля являются лишь легендой. Например, автор биографии Людовика XIV Франсуа Блюш писал: «Людовик XIII гордился своим старшим сыном и ревновал, если малыш вдруг устремлялся сначала к королеве. Ребенок любил его, и отец был очень чувствителен к малейшему проявлению внимания со стороны сына». Как бы то ни было, но на протяжении своей жизни Людовик редко упоминал об отце, хотя факт остается фактом: во время строительства грандиозной резиденции в Версале он, несмотря на возражения архитекторов, настоял на сохранении маленького охотничьего домика умершего короля и сделал это здание центром

ансамбля. Находясь на смертном одре, Людовик XIV повелел похоронить свое сердце у иезуитов на улице Сент-Антуан, рядом с сердцем своего отца.

Неизвестно, чувствовал ли маленький дофин напряженные отношения между своими родителями, улучшившиеся лишь на короткое время после рождения его и брата Филиппа, герцога Анжуйского¹. Он любил мать, влияние которой на сына было очень сильным на протяжении всей ее жизни. По словам известного сказочника Шарля Перро, главного советника Людовика XIV в области культуры, «не было сына, который выказал бы большее почтение своей матери за всю свою жизнь». При случае маленький Людовик называл свою мать не *«мадам»*, как это было принято в его окружении, а *«маман»* — матушка. Именно от матери он унаследовал такие качества, как умение держать данное слово, отвращение к греху и богохульству. Однако Анна Австрийская воспитала дофина, не обуздывая его самолюбия, склонности к господству и его воистину королевской надменности.

Праздничные крестины состоялись в Сен-Жермен-ан-Ле 21 апреля 1643 года. Умиравший король назвал крестных родителей. Ими

¹ Брат короля именовался Месье, а в 1660 году, после смерти его дяди Гастона, Филипп Анжуйский унаследовал его титул и именовался герцогом Орлеанским.

стали Шарлотта-Маргарита де Монморанси и кардинал Джулио Мазарини. Решение короля имело далеко идущие последствия не только для дофина, но и для всей Франции.

Итак, с 14 мая 1643 года, после смерти Людовика XIII, пятилетний Людовик XIV — король Франции и Наварры. Несмотря на то, что он — ребенок, он воплощает в себе короля, он дитя и король одновременно. Уже в семилетнем возрасте он присутствовал на заседании парламента, демонстрируя уверенность взрослого, а в восемь лет по совету Мазарини отправился с матерью осматривать границу.

Но поскольку ребенок вряд ли мог реально управлять государством, правительницей Франции считалась вдовствующая королева Анна. Она была высококультурной дамой, лучше других королев Европы содержала двор и вызывала самое искреннее восхищение сына. Воспитанная при чопорном испанском дворе, она и от мальчика добивалась преклонения перед этикетом и стремилась воспитать его набожным.

Анна Австрийская была слишком пассивной или чересчур умной, чтобы заниматься политикой. Поэтому бразды правления она передала натурализованному итальянцу кардиналу Джулио Мазарини (1602–1661).

Эпоха Армана Жана дю Плесси, герцога де Ришелье, всемогущего кардинала Людовика XIII, скончавшегося за год до смерти короля, сменилась эпохой кардинала Мазарини,

управлявшего Францией до 1661 года. Непопулярность нового правителя Франции была редкой даже для государственного деятеля иностранного происхождения. И аристократы, и простолюдины презирали итальянца, осуждая его лицемерие, вероломство и ненасытное стяжательство. Бесчисленные племянники и племянницы кардинала, Манчини и Буффалини, разбогатели и вступили в брак с именитыми французскими аристократами. Однако Мазарини пользовался могущественной поддержкой королевы, которая помогла ему выдержать испытания политической борьбой. Кардинал одержал победу над противниками и благодаря своим личным качествам — хладнокровию и умению путем переговоров добиваться компромиссов.

Вскоре после смерти Людовика XIII вдовствующая королева оставила Лувр и переселилась в бывший дворец кардинала Ришелье, переименованный в Пале-Рояль. Здесь юный король провел свое детство. Его главным наставником стал Мазарини, которому Анна Австрийская в 1646 году передала верховный надзор за воспитанием сына, назначив его на должность сюринтенданта при особе короля.

Детство Людовика прошло в очень простой обстановке: кардинал, один из богатейших людей Франции, был очень скуп и почти совсем не заботился о доставлении удовольствий ребенку-королю, лишал его не только игр и забав, но даже предметов первой

необходимости: мальчик получал всего две пары платья в год и был вынужден ходить в заплатах, а на его простынях якобы замечали огромные дыры.

Воспитание короля было доверено Ардуэну де Бомону де Перефиксу, настоятелю монастыря в Бомоне, позже ставшему епископом. Перефикс контролировал маленькую группу преподавателей специальных дисциплин: письма, счета, латыни, испанского языка, рисунка и ораторского искусства.

Однако основная заслуга в воспитании Людовика принадлежала Мазарини. Именно кардинал, прошедший жесткую школу Ватикана и в совершенстве владевший искусством интриги, преподавал юному Людовику «ремесло короля». Он учил юношу методам ведения государственных дел и дипломатических переговоров, уделяя большое внимание урокам политической психологии. Именно Мазарини привил своему ученику вкус к скрытности, а также воспитал у него страсть к славе и веру в собственную непогрешимость. Впоследствии это привело к тому, что Людовик потерял чувство меры, вступил в противоречие со здравым смыслом, с реальными фактами и событиями политической жизни. Вместе с тем в нем развилась и такая отрицательная черта характера, как злопаметность: он никогда не забывал измен, не прощал вольных и невольных оскорблений.

Достаточно рано, в духе тогдашней традиции, началось военное воспитание короля.

В двадцать лет он проводил много времени в войсках, следил за операциями, вел переговоры с генералами, обсуждал с ними планы боевых действий.

В целом об образовании Людовика сохранились весьма противоречивые сведения. Сам он в семидесятилетнем возрасте жаловался в беседах со своей фавориткой мадам де Ментенон на недостаточность знаний, полученных в детстве. Возможно, Людовик был слишком строг в своих суждениях либо говорил об этом не без доли кокетства. Мазарини не напрасно требовал от Перефикса начать очень рано занятия латынью, заставляя Людовика изучать написанные тексты, так что его знание латыни было на весьма высоком уровне: в тринадцать лет король уже переводил некоторые главы из «Записок о галльской войне Цезаря», и в целом латинским языком занимался почти всю свою жизнь (хотя есть свидетельства, что послания папы, написанные по латыни, Людовик прочесть не мог, и ему готовили переводы). Весьма неоднозначны также суждения о подготовке юного короля в области истории, государственного и церковного права.

Скорее всего, дело было не в «беспорядочности» образования, как утверждал в своих многотомных «Мемуарах» современник событий герцог Сен-Симон, долгое время живший при дворе, а в том, что беспорядочностью отличался сам ученик. Людовик был не слишком усидчив и отдавал предпочтение

игре на лютне, клавесине, гитаре и даже научился играть на старинном музыкальном инструменте — спинете. Мазарини развил художественный вкус своего крестника, стараясь сделать из обычного коллекционера настоящего ценителя искусства. Людовику нравились упражнения на свежем воздухе, прогулки, он обожал танцы и почти до тридцати лет уделял им до двух часов своих ежедневных занятий. Кроме того, Людовик от природы был одарен здравым смыслом, замечательной способностью понимать суть вещей и твердой решимостью поддерживать свое королевское достоинство. Он обладал очень важным для короля умением выражаться кратко, но ясно и говорить не более и не менее того, что было нужно. К тому же пробелы в обучении компенсировались тем, что юный король постоянно находился в гуще внутривластных процессов и событий, дополнявших его школьное образование непосредственным опытом.

Как бы то ни было, король высоко ценил «школу Мазарини», медленно, но тщательно подготавливавшего его к управлению государственными делами. Со своей стороны Мазарини весьма скоро оказался доволен результатами своего ученика². Кардинал не

² Хотя есть и другое мнение. Как писал Александр Дюма, Мазарини старался оставить юного Людовика «в невежестве, чтобы самому быть ему необходимым».

расставался с молодым человеком до последних дней своей жизни. За два часа до смерти, 7 марта 1661 года, он долго беседовал с Людовиком, излагая ему свое политическое кредо: сохранить церкви ее права и привилегии; облегчить народу налоговое бремя; опираться на дворянство как на свою «правую руку», не допуская его к политической власти; держать судейское сословие «в границах его обязанностей».

Внешний облик Людовика XIV был весьма аванажным и в полной мере соответствовал его монаршему статусу. Король был очень хорош собой и особо гордился своими ногами, по его собственным словам, «самыми красивыми в королевстве». Что касается роста государя, то, удивительно, но тут мнения современников расходились: 165 см или 184 см³.

К сожалению, на живописных портретах Людовик XIV лишен привлекательности, вероятно, из-за парика, который везде выглядит неряшливо. Если хорошенько всмотреться в лицо, изображенное на портретах, то можно разглядеть в нем черты доброго и веселого человека. Но ни на одном портрете король не выглядит красивым. На отдельных

³ Возможно, дело было в высоких каблуках и высоком парике короля. Как писал А. Дюма, Людовик XIV «был отнюдь не великаном, но, придумав себе высокие каблуки и высокий парик, он казался выше других».

полотнах заметны его ярко выраженные восточные черты, но в многочисленных описаниях его внешности, сделанных, к примеру, венецианскими посланниками для своих правительств (а описание наружности государей всегда считалось важной информацией) или оставленных в письмах, дневниках и мемуарах, его экзотическую наружность никто не подчеркивал. Но все указывали на то, что король был высоким и смуглым, имел отличную фигуру, совершенной формы руки и ноги, небольшие, но яркие глаза, постоянно прищуренные, но хорошо замечавшие все, что творилось вокруг. Особого внимания заслуживает его нос: красивой формы, с тонкими и несколько приплюснутыми ноздрями. Все отмечали благородную осанку и необыкновенную грацию Людовика; он никогда не позволял себе необдуманных жестов, поэтому казался небожителем (или, как замечали некоторые, гениальным актером на сцене). Эти черты внешности короля нашли отражение в работе знаменитого итальянского мастера Джованни Лоренцо Бернини, изваявшего бюст Людовика XIV, ставшего впоследствии одним из величайших сокровищ Версаля. Это единственное изображение короля, совпадающее с современными ему описаниями внешности. Вероятно, таким и был Людовик на самом деле.

У Его Величества было отменное здоровье, редкое по тем трудным для жизни человека временам. Он стойко переносил не

только многочисленные болезни, опасные эксперименты своих врачей, но и испытания бесконечными развлечениями, балами и охотой. Светила медицинского факультета лечили Людовика XIV так, что только завидное здоровье удерживало его на этом свете. Об этом можно узнать из летописи его болезней. Записи вели с 1647 по 1711 годы трое знаменитых медиков: Антуан Валло, Антуан д'Акен и Ги-Крессан Фагон. Это уникальный случай столь продолжительных наблюдений в истории медицины. Для «лечения» короля врачи часто прибегали к обильному кровопусканию, вскрывая даже вены на лбу. Как средство от всех болезней — подагры, головных болей, бессонницы, несварения желудка и даже насморка — королю прописывали слабительное. Назначали лекарства с самыми невероятными ингредиентами: от растертой в порошок гадюки до лошадиного навоза. Отсюда и тяжелые болезни: нарушение пищеварения, воспалительные процессы в кишечнике, фурункулез, головокружения. Придворные медики были скорее мучителями, чем целителями, поэтому удивительно, как Людовик мог выдерживать поистине варварские методы лечения. Неслучайно Антуан Валло справедливо писал о «героическом здоровье короля».

Бедный Людовик XIV на протяжении почти всей жизни имел проблемы с зубами. Доктор Кабанес, задним числом определивший заболевание короля как челюстной синусит,

обогастил историю очень любопытными сведениями о королевском здоровье. Достаточно сказать, что к сорока годам во рту короля не оставалось ничего, кроме нескольких бесформенных корней. Ему пришлось удалить с левой стороны все верхние зубы, причем операция была сделана так неудачно, что всякий раз, когда он пил или полоскал рот, вода попадала ему в нос. Никакой возможности жевать, следовательно, у него не было, и он глотал пищу большими кусками, не пережевывая.

Но, потеряв зубы, Людовик, к несчастью, сохранял аппетит, с детства страдая булимией (неутолимый голодом, вызывавшим невероятный аппетит). Последняя фаворитка короля мадам де Ментенон призналась, что если бы съела хотя бы половину того, что съедал король, то через неделю умерла. Отсюда — приступы подагры, нарушение нормальной деятельности желудка, склонность к полнокровию, головокружения. Лишь во время Великого поста по причине «умеренности трапез» он знал некоторое облегчение. При вскрытии умершего Людовика выяснилось, что его желудок был огромен, а кишечник в два раза превышал обычные для человека размеры.

Каковы были личностные качества короля? Людовик XIV обладал противоречивым характером. Трудолюбие, решимость и твердость в осуществлении принятых решений сочетались с непоколебимым упрямством.

Король ценил людей талантливых и образованных, однако ближайших сотрудников подбирал, соблюдая одно неперемное условие: они ни в чем не должны были затмевать короля, выбравшего в июне 1662 года своей эмблемой солнце. Страсть к славе и к увековечиванию собственной персоны была у него всепоглощающей. Для него были характерны необычайные самомнение и властолюбие, а также отсутствие чувства справедливости. Но вместе с тем Людовику XIV были присущи сдержанность, уравновешенность и вежливость. Например, король кланялся даже горничным. Правда, есть свидетельство, будто однажды он ударил палкой лакея, положившего на его глазах в карман сладости, приготовленные для придворных. Разумеется, после этого Его Величество немедленно направился к своему духовнику для покаяния.

Его врожденное величие и трудолюбие сочетались с самым беззастенчивым себялюбием. Ни один французский король не отличался такой гипертрофированной гордостью и эгоизмом, ни один европейский монарх так явно не превозносил себя над окружающими и не курил с таким наслаждением фиам собственному величию. Это отчетливо проявлялось в его придворной и общественной жизни, в его внутренней и внешней политике, в страсти к строительству и любовных увлечениях. Эгоизм, точнее — эгоцентризм, был, пожалуй, главным качеством

Людовика XIV, основой его мировоззрения, жизни и деятельности, определяя каждый его поступок, от малого до великого. Герцог Сен-Симон так писал о нем: «Король никого не любит и не считается ни с кем, кроме себя самого, и сам для себя является последней целью существования». Эти слова подтверждают и свидетельства других современников. Например, будучи от природы холодным и весьма черствым человеком, вечно занятым собой, в день смерти своего брата Людовик насвистывал какую-то арию, требовал от придворных улыбок и радостного выражения лиц. Он испытывал теплые чувства к герцогине Бургундской, супруге своего внука, но заставлял ее, больную, вставать с постели и участвовать в придворных развлечениях. Хотя, как отмечал А. Дюма, король «не был лишен некоторой доброты или, лучше сказать, справедливости»⁴.

Еще одним качеством, свойственным королю, было лицемерие. Своего сына он принуждал к супружеской верности, считая ее желательной, но вместе с тем и невозможной по причине множества искушений, перед

⁴ Например, когда камердинер короля Бонтан, часто просивший за других, но никогда — за себя, пришел просить место придворного служителя для одного приезжего, то король якобы сказал ему: «Эх, Бонтан, неужели ты вечно будешь просить только для своего ближнего и никогда для самого себя? Я даю это место твоему сыну!»

которыми трудно устоять. Если обратиться к списку королевских фавориток, то он окажется весьма длинным, причем некоторые из них пребывали в этом «звании» долгие годы. Увлечение женской красотой, по мнению Людовика, не должно было сводить монарха с пути служения государственным интересам. К тому же, по его мнению, чем недоступнее и выше будет обожаемый государь, тем сильнее будут у осчастливленной женщины чувства любви и привязанности.

Иными словами, монарх был весьма далек от строгой христианской морали, однако компенсировал свои прегрешения религиозным рвением. За всю свою жизнь Людовик XIV лишь один раз пропустил мессу, да и то во время военного похода. Он усердно посещал церковь, редко нарушал посты, особенно Рождественский и Великий. В церкви вел себя благочестиво, исповедовался несколько раз в году, возложив на себя цепь ордена Святого духа и облачившись в мантию. Каялся — и снова грешил!

Пышные придворные нравы контрастировали с личной скромностью короля. В одежде он предпочитал различные оттенки неяркого коричневого цвета. Иногда вся отделка сводилась к одной золотой пуговице. Король носил суконный или атласный камзол. Драгоценностями были украшены лишь пряжки башмаков, подвязка и шляпа с испанскими кружевами и белым пером. По торжественным случаям, например, на свадьбы,

Людовик надевал под кафтан длинную голубую орденскую ленту с драгоценными камнями стоимостью 8–10 млн ливров.

Постоянного местопребывания длительного времени у Людовика не было. Король и его двор часто разъезжали, что было сопряжено с большими расходами. Обозы растягивались на километры. Из одного дворца в другой перевозили мебель, ковры, белье, светильники, столовую посуду, кухонную утварь. До переезда в Версаль король чаще всего жил в Париже. Город в те времена был грязным, с непереносимыми запахами. Летом людей одолевала жуткая пыль. Вдоль улиц текли зловонные ручьи. Повозки и кареты создавали в столице пробки. Бродяги и нищие составляли до семи процентов населения. Днем и ночью промышляли воры и убийцы.

Лувр тоже был непривлекательным. Эта старая крепость Филиппа Августа и Карла V, от которой сохранились две башни и толстые стены, представляла собой беспорядочное скопление сооружений, в значительной части ветхих или недостроенных, безвкусно расположенных. Двор Лувра был завален мусором; на месте колоннады находилась грязная улочка, спускавшаяся к Сене. По берегу реки Большая галерея соединяла Лувр с дворцом Тюильри. Внутри обоих зданий имелось несколько красивых помещений, но и они были темными и неудобными. Следовательно, вопрос о новом местопребывании короля был очевиден.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru